

Посвящается Натали, Дэвиду и Джошуа

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	9
<i>Благодарности</i>	14
<i>Глава 1. Детство</i>	16
<i>Глава 2. Харроу</i>	34
<i>Глава 3. На пути в армию: начать все заново</i>	50
<i>Глава 4. Младший лейтенант: «Я не могу сидеть спокойно»</i>	66
<i>Глава 5. В боях</i>	91
<i>Глава 6. В Омдурман и дальше</i>	100
<i>Глава 7. Южная Африка — приключения, плен, побег</i>	124
<i>Глава 8. В парламенте</i>	149
<i>Глава 9. Мятеж и ответственность</i>	185
<i>Глава 10. Социальная сфера</i>	211
<i>Глава 11. Министр внутренних дел</i>	231
<i>Глава 12. В Адмиралтействе</i>	259
<i>Глава 13. Накануне войны</i>	285
<i>Глава 14. Война</i>	299
<i>Глава 15. Отставка и исчезновение</i>	332
<i>Глава 16. В окопах</i>	354
<i>Глава 17. «Глубокое и бесконечное мучение»</i>	386
<i>Глава 18. Министр вооружений</i>	401
<i>Глава 19. В Военном министерстве</i>	430
<i>Глава 20. Министр по делам колоний</i>	460
<i>Глава 21. Опять не у дел</i>	485

<i>Глава 22.</i> В Казначействе.....	497
<i>Глава 23.</i> Без поста.....	522
<i>Глава 24.</i> Момент истины.....	570
<i>Глава 25.</i> Для Черчилля места нет.....	609
<i>Глава 26.</i> От Мюнхена до войны.....	641
<i>Глава 27.</i> Возвращение в Адмиралтейство.....	662
<i>Глава 28.</i> Премьер-министр.....	687
<i>Глава 29.</i> Британия на краю.....	727
<i>Глава 30.</i> Война расширяется.....	753
<i>Глава 31.</i> Планирование победы.....	792
<i>Глава 32.</i> Болезнь и выздоровление.....	823
<i>Глава 33.</i> Нормандия и вокруг нее.....	838
<i>Глава 34.</i> Война и дипломатия.....	866
<i>Глава 35.</i> «Вперед, Британия!».....	894
<i>Глава 36.</i> «Железный занавес».....	908
<i>Глава 37.</i> Путеводитель по прошлому, ориентиры будущего.....	938
<i>Глава 38.</i> Премьер-министр мирного времени.....	969
<i>Глава 39.</i> Восстановление, последние планы, отставка.....	986
<i>Глава 40.</i> Последние годы.....	1015
<i>Карты</i>	1033
<i>Фотоматериалы</i>	1052

ПРЕДИСЛОВИЕ

Моя цель — представить на этих страницах полную и законченную картину политической и частной жизни Черчилля. Его карьера является темой бесчисленного количества книг и статей, в которых его порой судят свысока, а то и резко. Я намерен дать сбалансированную оценку, основанную на его реальных мыслях, поступках, достижениях, убеждениях и опровергающую многие существующие недоразумения.

Огромный массив сохранившихся прижизненных материалов позволил мне предложить читателю практически полное собрание фактов о жизни Черчилля, воспроизвести почти каждый эпизод, к которому он имел отношение, представить его истинные намерения и действия, а также его собственные слова, аргументы и мысли.

Я прикоснулся к этой тематике в октябре 1962 г., войдя в исследовательскую группу Рэндольфа Черчилля, через год после того, как он — по просьбе своего отца — начал работу над его многотомной биографией и изданием сопроводительных документов. К моменту своей смерти в 1968 г. Рэндольф Черчилль довел историю отца до начала войны 1914 г. Меня попросили продолжить его работу. Мой собственный заключительный том (восьмой) заканчивается смертью Черчилля в возрасте девяноста лет.

Официальная биография, как известно, раскрывает в подробностях историю жизни Черчилля на основе пяти важнейших источников, которые я изучил, работая над этим однотомником. Из них я почерпнул много новых материалов, в особенности о периоде с самых ранних годов Черчилля до Первой мировой войны.

Первый из этих источников — собственный гигантский архив Черчилля, состоящий из политической, литературной и личной корреспонденции, хранящийся ныне в Колледже Черчилля в Кембридже. Эта частная и общественная переписка охватывает почти все девяносто лет его жизни.

Второй — бумаги его жены Клементины, включающие сотни писем, которые муж писал ей всю жизнь. Они хранятся у дочери Черчилля, леди Соамс, и воссоздают личность Черчилля ярко и всесторонне.

Третий источник — государственный архив — заключает два срока пребывания Черчилля на посту премьер-министра и его работу в различных министерствах с декабря 1905 г. по апрель 1955 г., когда он отошел от общественной жизни. Этот массив находится в государственном архиве в Кью и содержит материалы правительства военного времени, переговоры начальников штабов периода Второй мировой войны, а также документы, связанные с его работой в министерствах и Военном совете, членом которого он был в 1914 и 1915 гг.

Четвертый источник — частные архивы, полные или же фрагментарные, его друзей, коллег и оппонентов, тех, кто контактировал с ним в различные периоды его жизни. Эти материалы можно найти во многих архивах, библиотеках и частных коллекциях как в Британии, так и за рубежом. Они показывают, какое впечатление он производил на современников, что они говорили о нем в частных беседах, свидетельствуют, что некоторые ненавидели его, а другие с самых ранних лет видели в нем человека исключительных качеств и будущего премьер-министра.

Пятый источник, который создавал я сам на протяжении тридцати лет, — личные воспоминания членов семьи Черчилля, его друзей и современников. Это воспоминания людей самых разных, в том числе — летчиков, учивших его пилотированию перед Первой мировой войной, офицеров, служивших вместе с ним на Западном фронте в 1916 г., и многих других. Мне посчастливилось встретиться и познакомиться с его литературными помощниками довоенных и послевоенных лет — с Морисом Эшли, сэром Уильямом Дикином и Денисом Келли, с сэром Гербертом Гриди, работавшим у него в 1919 г., и членами его правительства периода Второй мировой войны сэром Джоном Мартином, сэром Джоном Пеком и сэром Джоном Колвиллом, а также с Энтони Монтегю Брауном, работавшим с ним в 1953–1965 гг.

Как биографу Черчилля мне исключительно повезло: я разговаривал с его секретарями, в том числе с Кэтлин Хилл, сотрудничавшей с Черчиллем в 1936 г., с работавшими с ним во время Второй мировой

войны Элизабет Лейтон и Мариан Холмс, а также с Элизабет Джиллет, леди Онслоу, Джейн Портал и Дорин Пью — его сотрудницами в последующие годы. Большая часть жизни Черчилля связана с поместьем Чартвелл. Грейс Хэмблин, трудившаяся там с 1932 г., стала, можно сказать, моим проводником по этому периоду жизни.

Из этих пяти источников взята масса материалов, помещенных и прокомментированных в сборниках документов, сопровождающих каждую часть многотомной биографии Уинстона Черчилля.

В этом однотомнике я хотел представить материалы, которые помогли бы читателям самостоятельно оценить поступки Черчилля и его личность на протяжении всей его удивительной карьеры. Карьеры на редкость долгой, отмеченной многочисленными конфликтами и противоречиями, ведь он был человеком откровенным и независимым и, критикуя тех, кто, по его мнению, был неправ, выражался без обиняков и использовал живой, яркий и доходчивый язык.

Черчилль участвовал в политической жизни более пятидесяти лет. Прежде чем стать премьер-министром, он занимал восемь различных постов в правительстве. К моменту ухода в отставку после второго премьерства (1955) его депутатский стаж составлял пятьдесят пять лет. Диапазон его деятельности необычайно разнообразен. Он получил офицерский чин при королеве Виктории и принимал участие в кавалерийской атаке при Омдурмане; стоял у истоков развития авиации и научился летать перед Первой мировой войной; создавал военноморскую авиацию; активно внедрял в армию танки; занимался организацией противовоздушной обороны. Черчилль предвидел создание оружия массового поражения, и в последнем выступлении в парламенте уже предлагал использовать атомную бомбу как гарантию сдерживания и всеобщего разоружения.

Поразительный дар Черчилля понимать и предвидеть развитие событий проявился с ранних лет. Он глубоко верил в свою способность внести вклад в улучшение жизни человечества. Его военная служба и природная смекалка дали ему глубокое понимание природы войны и общества. Он обладал мужеством, которое проявлялось и на полях сражений империи на рубеже веков, и на Западном фронте в 1916 г., и в Афинах в 1944 г. При этом он прекрасно отдавал себе отчет в ужасах войны и ее катастрофических последствиях.

Представляя в разные периоды Либеральную или Консервативную партии, Черчилль неизменно оставался радикалом: он был убежден

в необходимости активного участия государства в законодательной и финансовой деятельности, в социальном обеспечении всех граждан. Среди различных социальных реформ, в законодательной подготовке которых он играл ведущую роль, можно назвать тюремную реформу, реформу системы страхования, государственные пособия вдовам и сиротам, создание постоянно действующего органа по разрешению трудовых конфликтов, организацию государственной поддержки безработных, сокращение рабочей недели и улучшение условий труда на заводах и фабриках. Он выступал за государственную систему здравоохранения, расширение доступа к образованию, налог на сверхприбыль и за привлечение рабочих и служащих к участию в прибыли. В первом публичном выступлении в 1897 г., за три года до того, как стать членом парламента, он говорил, что наступит день, когда трудящийся станет «акционером предприятия, на котором работает».

В периоды мировой напряженности Черчилль неизменно выступал сторонником примирения и коалиций. Он по возможности всегда стремился избегать конфликтов и конфронтации. В международных делах он постоянно искал способы урегулирования претензий проигравшей стороны и примирения бывших врагов. После двух мировых войн он выступал за использование силы победителей, чтобы загладить обиды побежденных и сохранить мир. Он первый ввел в употребление слово «саммит», тогда понимаемое как встреча лидеров западного и коммунистического мира. Он делал все возможное для организации подобных встреч, чтобы положить конец холодной войне. Среди соглашений, принятых в результате переговоров, которые он вел терпеливо и вдумчиво, можно назвать конституционные урегулирования в Южной Африке и Ирландии и схемы выплат военных долгов после Первой мировой войны.

Проницательный, рассудительный и осторожный политик, Черчилль при этом всегда был сторонником смелых действий. Одним из его величайших талантов было исключительное владение словом, любовь к языку, что позволяло ему красноречиво и доступно излагать важнейшие вещи, убеждать и вдохновлять людей. Он обладал прекрасным чувством юмора, был душевным, благородным человеком и всю жизнь придерживался либеральных убеждений. Зная его умение находить компромиссы, к нему часто обращались за помощью последующие премьер-министры. Неприятие недобросовестности, несправедливости, дискриминации — как во внутренних, так и в международных отношениях — было краеугольным камнем его убеждений.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Общественная деятельность Черчилля затрагивала все аспекты британской внутренней и внешней политики — от социальных реформ до организации встречи в верхах после Второй мировой. Она касалась отношений Британии с Францией, Германией, Соединенными Штатами и Советским Союзом в самые непростые времена. Его звездным часом стало управление Британией в период, когда она оказалась наиболее изолированной, уязвимой и слабой, когда его мужество, решительность и вера в демократию были особенно востребованы страной.

*Мартин Гилберт, Мертон-колледж, Оксфорд
23 января 1991 г.*

БЛАГОДАРНОСТИ

Я благодарен всем, кто на протяжении трех десятков лет делился со мной своими воспоминаниями о Черчилле. Те, кого я цитирую, щедро уделяли мне свое время. Я должен поблагодарить Валентина Бережкова, Гарольда Борна, Айвона Кортни, сэра Уильяма Дикина, сэра Дональда Макдугалла, Роберта Фокса, Ив Гибсон, Элизабет Джиллет, Грейс Хэмблин, Памелу Гарримэн, Кэтлин Хилл, Мариан Холмс, Патрика Кинна, Элизабет Лейтон, Джеймса Лис-Милна, бригадира Мориса Лаша, Джона Маккоя, Джока Макдэвида, Малкольма Макдональда, виконта Маргессона, сэра Джона Мартина, Тревора Мартина, Энтони Монтегю Брауна, фельдмаршала виконта Монтгомери Аламейнского, сэра Джона Пека, капитана сэра Ричарда Пима, Дорин Пью и леди Уильямс Илвел (Джейн Портал).

Моя самая глубокая благодарность за ценнейшие советы и предоставление материалов детям Черчилля — леди Саре Одли, леди Соамс и Рэндольфу Черчиллю, моему предшественнику в качестве биографа.

Помимо тех, кто делился со мной воспоминаниями, я благодарю всех, дававших мне исторические консультации или снабжавших дополнительными документальными материалами. Благодарю за помощь Патрисию Аккерман — сотрудницу архивного отдела Колледжа Черчилля, Дж. Альбрехта из Швейцарской лиги охраны природы, Ларри Эрн из Клермонтской школы государства и политической философии, Жанну Беркли, Алана Баксендейла, доктора Дэвида Батлера, Джулиан Чаллис, Роберта Крейга, Генри Крукса, Майкла Даймонда, доктора Майкла

Даннила, Фелисити Дайер — из Daily Express, Николаса Идона, Линду Гринлик — главного библиотекаря Jewish Chronicle, Айрин Моррисон из Шотландского совета по туризму, Дэвида Пэрри из отдела фотографий Имперского военного музея, Гордона Рэмси, Эндрю Робертса, Джеймса Рашбриджера, Мэттью Сполдинга, Кена Стоуна из Музея истории столичной полиции, Джонатана де Сузу, лорда Тэйлора Хадфилдского, профессора Владимира Трухановского, миссис М. Винелл, административного менеджера из Evening Standard; Фрэнка Уилана, сотрудника Sunday Call-Chronicle, и Бенедикта К. Зоброста — директора Библиотеки Гарри Трумэна в Миссури.

Возможность использовать ранее не публиковавшиеся материалы о Черчилле мне предоставили British Library Manuscript Collections, Christie's Auction Rooms, the Hollinger Corporation, А. Розенталь, Чаз У. Сэйер, Джон Р. Смитхерст, архив Times, архив Blenheim Palace и The National Trust Collection. Всем им я тоже безмерно признателен.

За помощь и существенные предложения по содержанию я чрезвычайно благодарен сэру Дэвиду Ханту, Адаму О'Риордану и Эдварду Томасу, которые делились со мной своими обширными познаниями и критическими замечаниями. Элен Фрезер, Лаура Бидл и многие другие сотрудники издательского дома William Heinemann, принимавшие участие в подготовке этой книги к печати, всегда оказывали мне помощь и поддержку на различных и порой трудных стадиях производства. Литературное редактирование и корректура были мастерски исполнены Лизой Гласс и Артуром Ньюхаузером, Рейчел Грин помогала в поиске фактов, а Кей Томсон выполнила огромный объем секретарских обязанностей.

И как всегда, я глубоко признателен моей жене Сьюзи за ее вклад в каждую страницу этой книги.

ГЛАВА 1

ДЕТСТВО

Уинстон Черчилль родился в 1874 г., в середине Викторианской эпохи. В ноябре его мать, леди Рэндольф Черчилль, будучи на седьмом месяце беременности, поскользнулась и упала во время охоты в Бленхейме. Через несколько дней во время прогулки в коляске начались схватки. Ее поспешили доставить во дворец, где в первые часы 30 ноября и появился на свет ее сын.

Величественный дворец в Бленхейме принадлежал деду новорожденного, седьмому герцогу Мальборо. По отцовской линии Черчилль был представителем высшей британской аристократии. Род его восходит к первому графу Спенсеру и выдающемуся военачальнику Джону Черчиллю, первому герцогу Мальборо, командовавшему коалицией армий, которые нанесли поражение Франции в начале XVIII в. Со стороны матери вся его родня — американцы. Его дед, Леонард Джером, живший в Нью-Йорке, был успешным биржевым маклером, финансистом и владельцем газет. Столетием раньше его предки сражались в армии Вашингтона за независимость американских колоний.

Почти за год до рождения Черчилля его отец, лорд Рэндольф Черчилль, был избран в палату общин членом парламента от Вудстока. Этот небольшой город, к которому относился Бленхейм, едва ли насчитывал больше тысячи избирателей. У него была давняя традиция направлять членов герцогской фамилии в Вестминстер. В январе 1877 г. дед Черчилля, седьмой герцог Мальборо, получил должность вице-короля Ирландии. Лорд Рэндольф стал у него личным секретарем. Двухлетний мальчик с родителями и няней, миссис Эверест, отправился в Дублин.

Когда Черчиллю было четыре года, в Ирландии, пострадавшей от сильного неурожая картофеля, вспыхнули волнения на национальной почве, которые возглавили фении¹. «Моя нянюшка, миссис Эверест, ужасно боялась фениев, — вспоминал он. — У меня сложилось представление, что фении — скверные люди и способны на все, дай им только волю». Однажды, когда Черчилль катался на ослике, миссис Эверест показалось, что к ним приближается процессия фениев. «Сейчас-то я уверен, — позже писал он, — что это была стрелковая команда на марше. Но мы все до смерти перепугались, особенно ослик. Он взбрыкнул и сбросил меня на землю. Я получил сотрясение мозга. Таким было мое первое знакомство с ирландским вопросом!»

В Дублине мальчиком помимо няни занималась еще и гувернантка. Ее задачей было научить его читать и считать. «Все эти занятия, — позднее писал он, — отравляли мою детскую жизнь. Они отвлекали от интереснейших вещей, манивших в детскую или в сад». Он вспоминал также, что мать почти всегда одобряла действия гувернантки.

Спустя пятьдесят лет Черчилль напишет о матери: «Она светила мне, как вечерняя звезда. Я нежно любил ее, но издала». Любовь и заботу, которых не давали родители, он находил у няни. «Моей наперсницей была няня, — писал он. — Миссис Эверест ходила за мной и всячески баловала меня. С ней я делился многими своими печальями».

В феврале 1880 г. у Черчилля родился брат Джек. Вскоре после его рождения семья вернулась в Лондон, на Сент-Джеймс-плейс, 29. Черчилль знал о болезни Дизраэли, бывшего премьер-министра от Консервативной партии. «Конечно, я знал, что лорд Биконсфилд умирает, — писал он позже. — И вот настал день, когда все разом опечалились и жаловались, что великому государственному мужу, любившему свою страну и бросившему вызов России, разбила сердце неблагодарность радикалов». Бенджамин Дизраэли, первый лорд Биконсфилд, скончался, когда Черчиллю было шесть лет.

На Рождество 1881 г., вскоре после своего седьмого дня рождения, Черчилль был в Бленхейме. Именно оттуда он написал свое первое сохранившееся письмо, датированное 4 января 1882 г.: «Моя дорогая мама, надеюсь, у тебя все хорошо. Большое-пребольшое спасибо за замечательные подарки. Солдатики, знамена и замок очень хорошие. Вы с моим дорогим папой очень добры. Шлю вам свою любовь и множество поцелуев. Ваш

¹ Фении — ирландские революционеры-республиканцы 2-й половины XIX — начала XX в.

любящий Уинстон». Той же весной Черчилль на два месяца вернется в Бленхейм. «Как хорошо за городом, — писал он матери в апреле. — В здешних садах и парках гулять гораздо лучше, чем в Грин-парке или Гайд-парке». Но он скучал по родителям и, когда бабушка уехала в Лондон, написал отцу: «Хотелось бы поехать с ней, чтобы поцеловать тебя».

За братьями в Бленхейме ухаживала миссис Эверест. «В пятницу, — писал он матери незадолго перед Пасхой, — мы видели змею, ползущую в траве. Я хотел убить ее, но Эверест не позволила». На Пасху миссис Эверест повезла братьев на остров Уайт, где ее зять служил старшим надзирателем в тюрьме Паркхерст. Они остановились в Вентноре, в коттедже с видом на море. Из Вентнора Черчилль сообщал матери: «У нас был пикник, мы ездили в Сандаун обедать на пляже и ходили смотреть форты. Там есть огромные 18-тонные пушки».

Той осенью Черчиллю объявили, что его собираются отправить в пансион. «Я был, — позже писал он, — как обычно бестактно говорят взрослые, «трудный ребенок». Выяснилось, что я должен уехать из дома на много недель, чтобы заниматься с учителями». Впрочем, «трудным» он был не для всех. Сестра леди Рэндольф Леони считала его очень веселым и непосредственным.

Пансион Сент-Джордж находился близ Аскота. Черчилля отправили туда за четыре недели до его восьмого дня рождения. Половина семестра уже прошла. Мать привезла его днем. Они сели пить чай с директором. «Больше всего я боялся, — вспоминал он почти пятьдесят лет спустя, — расплескать чай и тем самым испортить первое впечатление. Меня также приводила в отчаянье мысль, что придется остаться одному среди незнакомых людей в этом огромном, пугающем месте».

Школьные неприятности начались буквально с первых же дней. «В конце концов, — писал позже Черчилль, — мне было всего семь лет, и мне было гораздо лучше дома с моими игрушками. Игрушки у меня были замечательные: настоящий паровоз, волшебная лампа и коллекция солдатиков почти в тысячу штук. Теперь же у меня были только уроки». Система воспитания в Сент-Джордже была суровой, отчасти даже жестокой. «Порка розгами по примеру Итона, — писал Черчилль, — была неременной. Но я уверен, ни один ученик Итона и уж наверняка ни один ученик Харроу в мое время (Черчилль учился в Харроу с 1888 по 1892 г. — *М. Г.*) не подвергался столь жестокой порке, какую устраивал своим маленьким подопечным директор нашего заведения. Это, я думаю, превосходило по жестокости наказания, которые применялись в исправительных учреждениях Министерства внутренних дел».

Свидетелем этого был Роджер Фрай. «Директор сек розгами со всей силой, — позже писал он. — Достаточно было двух-трех ударов, чтобы выступала кровь, а после пятнадцати-двадцати ударов ягодицы мальчика представляли собой кровавое месиво». Черчилль вспоминал, как во время экзекуций все с содроганием слушали крики истязуемого.

«Как я ненавижу эту школу, — писал он, — и в какой тягостной атмосфере прожил более двух лет. У меня были очень скромные успехи в учебе и практически никаких — в играх. Я считал дни и часы до окончания каждого семестра, когда можно было вернуться домой из этого ненавистного рабства и выстроить моих солдатиков в боевой порядок на полу в детской».

Первые каникулы Черчилля после полутора месяцев пребывания в Сент-Джордже пришлось на Рождество 1882 г. Семья к этому времени переехала в другой дом, на Коннот-плейс, 2, к северу от Гайд-парка. Там им предстояло прожить ближайшие десять лет. «Что касается успехов Уинстона, — писала его мать мужу 26 декабря, — то с сожалением могу констатировать их отсутствие. Возможно, прошло недостаточно времени. Читает он хорошо, но это все. Первые два дня дома он разговаривал слишком громко и даже вульгарно. Этим я тоже разочарована. Но Эверест сказали, что в следующем семестре они намерены быть с ним построже». Леди Рэндольф также сообщала мужу, что старший сын дразнит маленького еще больше, чем раньше, так что придется им заняться. И завершила отзыв о своем восьмилетнем сыне так: «Кажется, он меня боится».

Первый отчет о школьных успехах Черчилля был неутешительным. Он оказался последним из одиннадцати учеников своего класса. По грамматике отзыв был: «Начало положено», по прилежанию: «Перспективы хорошие, но в следующем семестре должен более серьезно относиться к занятиям». Отчет заканчивался примечанием директора: «Очень честный, но в настоящее время слишком много шалит. Еще не усвоил правил поведения в школе, но этого и трудно было ожидать».

Школьные неприятности усугублялись слабым здоровьем, которое тоже весьма беспокоило родителей. «Очень жаль, что бедняжка Уинстон не очень хорошо себя чувствует, — писал лорд Рэндольф жене с юга Франции в канун нового, 1883 г., — и я не могу понять, в чем дело. Видимо, мы очень болезненная семья». Для улучшения самочувствия мальчика врач посоветовал провести неделю на море, в Херн-Бей.

Находясь в Сент-Джордже, Черчилль постоянно, но тщетно просил мать навестить его. Перед завершением семестра в пансионе устраивали

спортивный праздник. «Пожалуйста, позволь Эверест и Джеку приехать посмотреть состязания, — писал он, — и приезжай сама, дорогая. Очень надеюсь увидеть тебя, Джека и Эверест». Леди Рэндольф не приняла приглашения, но отправила к нему миссис Эверест. «Дорогая мама, любезно было с твоей стороны отпустить ко мне Эверест. Кажется, и она получила большое удовольствие, — пишет он после праздника и добавляет: — Осталось всего 18 дней».

В отчете за этот семестр Черчилль удостоился похвалы по истории, географии, переводу и поведению. Другие оценки были хуже: сочинение — «очень слабо», письмо — «хорошо, но чрезвычайно медленно», орфография — «плохо». О прилежании было сказано: «Не вполне осознает значение усердной работы. Должен изменить отношение к учебе». Из девяти учеников класса он оказался девятым, из тринадцати в параллели — тринадцатым.

Этим летом, пока Черчилль был в школе, скончался его дед, седьмой герцог Мальборо. Во время глубокого траура лорд Рэндольф решил развезтись в путешествии. Он отправился с женой и сыном в Гаштайн. Эта поездка на один из самых модных курортов Австро-Венгерской империи стала первой поездкой Черчилля в Европу. По пути отец с сыном заглянули в Париж. «Мы проезжали по Пляс-де-ла-Конкорд, — рассказывал он шестьдесят три года спустя. — Будучи наблюдательным ребенком, я обратил внимание на монумент, увенчанный венками и траурными лентами, и сразу спросил отца, в чем дело. Он ответил: «Это символизирует французские провинции, две из которых, Эльзас и Лотарингию, Германия отняла у Франции в последней войне. Французы очень переживают по этому поводу и надеются когда-нибудь их вернуть». Совершенно отчетливо помню, что я подумал про себя: «Надеюсь, они их вернут».

По возвращении в Сент-Джордж учеба у Черчилля пошла заметно лучше, чего нельзя сказать о поведении. «Семестр начал хорошо, — отмечено в отчете. — Но последнее время очень плохо себя ведет! Впрочем, в целом прогресс заметен». В отчете за следующий семестр отмечены успехи в истории и географии. Директор прокомментировал: «Надеюсь, он начал осознавать, что школа — это труд и дисциплина. Неумерен в еде».

В феврале 1884 г. лорд Рэндольф объявил о намерении баллотироваться в парламент от Бирмингема, поскольку Вудсток, как и сотни других городков, собирались лишиться возможности иметь своих представителей

в парламенте. Направляясь в столь радикальный регион, лорд Рэндольф был намерен доказать, что демократия тори не просто лозунг. В марте жена директора школы посетила Мидлендс. «Она там узнала, — писал Черчилль матери, — что ставят два к одному на то, что папа пройдет в парламент». Это его первое упоминание о политике. В остальном письмо посвящено спортивным состязаниям: «На днях мы все отправились в песчаную яму и играли в очень увлекательную игру. Ее борта около семи метров высотой, тяжелейшая борьба, и те, кто выбираются первыми, ведут отчаянную борьбу с остальными».

Следующий отчет о школьных успехах Черчилля свидетельствует, что, несмотря на незаурядные способности, он чувствовал себя крайне несчастным. С историей и географией дело обстояло хорошо, особенно с историей, но поведение характеризовалось так: «Крайне неудовлетворительно. Ему ничего нельзя доверить, а его опоздания на уроки, двадцать раз за сорок дней учебы, крайне постыдны. Постоянно создает трудности окружающим и все время попадает в различные неприятности. За его поведение никогда нельзя поручиться». Но при этом даже директор Сент-Джорджа не мог не отметить, что девятилетний мальчик очень одарен.

Письма Черчилля к матери следующего семестра показывают, насколько одиноко он себя чувствовал в этом враждебном мире. «Очень нехорошо с твоей стороны, — пишет он в начале июня, — не писать мне. С начала семестра я получил от тебя только одно письмо». В летнем семестре успехи в учебе вновь были оценены высоко. Грамматика, музыка и французский — «хорошо», история и география — «очень хорошо». Поведение — «лучше, но все еще причиняет беспокойство». Директор прокомментировал: «У него никаких амбиций. Если будет прилагать усилия, может стать первым к окончанию семестра».

В девять с половиной лет Черчилль получил от отца книгу Стивенсона «Остров сокровищ». «Помню наслаждение, с каким я поглощал ее, — писал он позже. — Учителя видели меня одновременно и отстающим, и не по годам развитым, по уши погруженным в чтение книг и остающимся среди самых последних по успеваемости. В их распоряжении был целый арсенал средств принуждения, но я оставался непреклонен». Табель успеваемости за этот семестр вновь свидетельствует о непрекращающихся проблемах с дисциплиной. В характеристике было написано: «В целом хорошо. Периодически доставляет большие проблемы».

Что за проблемы, не сказано, но другой ученик Сент-Джорджа, Морис Бэринг, который поступил в школу вскоре после того, как Чер-

чилль ее покинул, сообщал в своих воспоминаниях: «Черчилль получил наказание розгами за то, что воровал сахар из буфета, но, нисколько не раскаявшись, он схватил с крючка над дверью священную вещь — соломенную шляпу директора и разодрал ее на куски». Его вызывающее поведение уже стало легендой.

Этой осенью у Черчилля снова возникли проблемы со здоровьем. Семейный доктор Робсон Руз, работавший как в Лондоне, так и в Брайтоне, предложил перевести мальчика в брайтонскую школу, где учился его собственный сын, полагая, что приморский климат пойдет Уинстону на пользу. Руз вызвался присматривать за ним. «Поскольку меня сочли очень болезненным, — вспоминал позже Черчилль, — решили, что желательно держать меня под постоянным наблюдением». Этой школой-пансионом заведовали сестры Томсон. Школа находилась в Брайтоне, в двух зданиях по Брунsvик-роуд, под номерами 29 и 39. Семестр начался в сентябре 1884 г. «Я здесь очень счастлив, — писал он матери в конце октября. — Но я был расточителен — купил себе красивый альбом для марок и марки. Пожалуйста, вышли немного денег».

30 ноября Черчилль отпраздновал десятый день рождения. Через три дня его отец отправился из Англии в Индию. Там ему предстояло находиться до марта 1885 г. В случае возвращения консерваторов к власти он надеялся занять пост министра по делам Индии. «Хотелось бы мне оказаться с тобой на этом прекрасном корабле, — писал Черчилль, вернувшись в школу. — Из окна поезда мы видели, как твой корабль выходит из гавани».

Той зимой сестра леди Рэндольф Клара писала американской бабушке мальчика: «Уинстон стал очень милым и очаровательным мальчиком». Тем не менее в середине декабря дома получили тревожное письмо из новой школы, от одной из сестер Томсон, Шарлотты. Мать вызывали к сыну, с которым, как она писала, «случилась неприятность, которая может оказаться весьма серьезной. Был экзамен по рисованию. Между ним и мальчиком, сидевшим рядом, возник спор за ножик, который наставник дал им для работы. Все произошло в одно мгновение — Уинстон получил легкое проникающее ранение в грудь». По словам мисс Томсон, доктор Руз заверил ее, что, хотя все могло кончиться хуже, состояние мальчика опасений не вызывает. Они не впервые получают жалобы на вспыльчивый характер обидчика Черчилля, продолжала она, и теперь попросят родителей забрать его из школы. Сообщая об этом происшествии мужу, леди Рэндольф выражает уверенность, что Уинстон сильно вывел этого мальчика из себя, и надежду, что случившееся

послужит ему уроком. Черчилль на несколько дней вернулся в Лондон с доктором Рузом, тогда леди Рэндольф узнала, что перочинный ножик, которым был ранен ее сын, вошел чуть более чем на полсантиметра и что он действительно начал первым, выкручивая противнику ухо. «Чего только не случается с нашим Уинстоном, — отвечал лорд Рэндольф жене из Бомбея. — Счастье, что ранение несерьезное».

Первый семестр в Брайтоне закончился за неделю до Рождества. Несомненно, отчасти из-за ранения Черчилль показал не очень хорошие результаты. Он оказался последним в классе по французскому, английскому и математике. Впрочем, в отчете отмечалось, что во второй половине семестра мальчик стал заметно внимательнее. Позднее Черчилль вспоминал: «Эта школа была поменьше той, которую я покинул, и дешевле. В ней было меньше показухи, но были доброта и сочувствие, которых мне так недоставало в предыдущей».

Рождественские праздники 1884 г. Черчилль провел в Лондоне. Матери было нелегко управляться с ним. «Придется отправить Джека обратно перед Рождеством, — писала она сестре Кларе незадолго до праздника, — поскольку я не могу справиться с Уинстоном без Эверест. Боюсь, даже ей это не по силам». Черчилль вернулся в Брайтон 20 января и на следующий день написал матери: «Ты должна быть счастлива без меня. Никаких криков и жалоб от Джека. Наверное, для тебя наступил рай на земле». Через три дня он сообщает ей о школьных успехах: «Сегодня мы ездили верхом, без поводьев, и даже легким галопом».

Черчиллю по-прежнему хочется, чтобы мать навещала его. Одним из поводов оказалась постановка школьной пьесы. Леди Рэндольф приехала с пятилетним Джеком. «Они были так счастливы вместе, — писала она мужу на следующий день. — Уинни был радостно взволнован, но, на мой взгляд, он выглядит очень бледным и слабым. Мальчик требует постоянной заботы. Он сказал, что здесь вполне счастлив, и мне кажется, школа ему нравится».

В таблице успеваемости за этот семестр был отмечен прогресс. По английскому, французскому и классическим языкам он оказался четвертым из десяти. Впрочем, опять оказался последним по поведению — двадцать девятым из двадцати девяти. К моменту возвращения с каникул популярность лорда Рэндольфа сильно возросла. «Я катался верхом с одним джентльменом, — пишет Черчилль матери в мае. — Он считает Гладстона «скотиной» и говорит, что «премьером должен стать тот, с подкрученными усами». Машинист электропоезда тоже утверждает, что «лорд Р. Черчилль должен стать премьер-министром».

В этом же месяце Черчилль пишет матери, что успешно учится плавать, постоянно занимается верховой ездой, делает успехи во французском и латыни, но довольно сильно отстает в греческом.

Тем летом десятилетний мальчик с огромным удовольствием прочитал статью об отце в газете Graphic. Статья, сообщает он матери, «действительно очень хороша. На иллюстрации изображен папа в библиотеке с разными фотографиями». Через шесть дней либеральное правительство потеряло большинство в палате общин, и Гладстон ушел в отставку. Лидер консерваторов лорд Солсбери сформировал новое правительство. Отец Черчилля стал в нем министром по делам Индии.

В июле завершился третий семестр учебы в Брайтоне. По поведению Уинстон по-прежнему оставался последним, тридцатым из тридцати, но по учебным дисциплинам дела обстояли намного лучше. Он стал первым в классических дисциплинах и третьим — по французскому языку. «Очень заметный прогресс в этом семестре, — писала Шарлотта Томсон. — Если продолжит учебу с настойчивостью и прилежанием, можно надеяться на большие успехи». Тем летом Черчилль с братом проводили летние каникулы в Кромере, на Северном море. «Скорее приезжай повидаться с нами, — уговаривает Черчилль мать в середине августа. — Ты приедешь?»

Леди Рэндольф не отреагировала на просьбу, зато договорилась с гувернанткой, которая занималась бы с ним по школьной программе во время каникул. Но это было совсем не то, чего ему хотелось. «У меня очень мало свободного времени, — пишет он матери 25 августа. — Погода замечательная, но у меня почти нет времени на себя. Гувернантка очень недобрая, требовательная и строгая». Единственным утешением служило обещание матери в ближайшие дни приехать на десять дней. К тому же каникулы омрачила болезнь. Сначала какая-то сыпь на ногах вынудила его ездить на прогулки в тележке, запряженной осликом. «А совсем недавно, — признается он, — настроение у меня совсем испортилось, но это, видимо, из-за печени, потому что был приступ желчной болезни, и температура поднялась до 37,8°».

Вернувшись осенью в Брайтон на осенний семестр, Черчилль прочитал в местной газете, что его отец выступал в городе с речью. «Не могу понять, почему ты не заехал ко мне, когда был в Брайтоне, — написал он. — Я очень расстроился, но, по-видимому, ты был слишком занят». В качестве министра по делам Индии лорд Рэндольф санкционировал военную экспедицию против Бирмы, король которой, Тибо, долго отказывался прекратить нападения на британские торговые суда и вдобавок

наложил таможенную пошлину на британскую торговую компанию. Через десять дней столица страны была оккупирована, а король взят в плен. Дальнейшая судьба Бирмы должна была решиться на заседании кабинета министров на Даунинг-стрит, 10. Лорд Рэндольф был за аннексию. Несмотря на колебания лорда Солсбери, точка зрения лорда Рэндольфа возобладали, и 1 января 1886 г. был сделан, как он выразился, «новогодний подарок королеве» — присоединение Бирмы к Британской империи.

26 января правительство консерваторов потерпело поражение в палате общин. Последовавшие всеобщие выборы, хотя и сохранили лорду Рэндольфу место в парламенте, принесли ирландским националистам баланс сил в Вестминстере. Гладстон сформировал либеральное правительство, поддерживающее их. Юный Черчилль, в очередной раз оказавшись без денег, заметил в связи с этим: «Мы не у дел, а экономят они на мне».

В марте одиннадцатилетнего Черчилля свалило воспаление легких, поставив его прямо-таки на грань жизни и смерти. Температура поднялась до 40°. Леди Рэндольф поспешила в Брайтон, следом направился и ее супруг. «Я в соседней комнате, — написал доктор Руз лорду Рэндольфу воскресным вечером 14 марта, — и буду следить за пациентом всю ночь, потому что очень обеспокоен». Высокая температура, сохранявшаяся до полуночи, встревожила доктора. Об этом он сообщил лорду Рэндольфу в шесть утра: «Я использовал стимуляторы перорально и ректально, в результате чего в 2 часа 15 минут температура упала до 38,3°, а сейчас — до 37,8°, слава Богу! Я отменю свои дела в Лондоне и сегодня останусь с мальчиком».

Но на следующий день температура у больного снова пошла вверх. «Мы продолжаем бороться за вашего мальчика, — написал Руз лорду Рэндольфу в час дня. — Сейчас у него 39,5°, но аппетит лучше, и ухудшения в легких не наблюдается. Пока мне удастся сбивать температуру, удерживая ее не выше 40,5°, оснований для тревоги не вижу». Кризис продолжался, но Руз был уверен, что худшее миновало. «Питание, стимуляторы и пристальное наблюдение спасут мальчика, — написал он в бюллетене в час дня, добавив: — Я настроен оптимистично».

В одиннадцать вечера Руз направил лорду Рэндольфу очередную записку: «Ваш мальчик, по моему мнению, еще в опасности, но держится очень хорошо! Температура сейчас 39,7°, чем я вполне удовлетворен, поскольку предполагал 40°. По крайней мере, в ближайшие двенадцать часов особых поводов для беспокойства быть не должно, поэтому желаю вам спокойной ночи». Но на следующее утро Руз докладывал: «Ночь

была очень тревожная, но нам удалось выстоять. Пульс по-прежнему показывает хорошее наполнение. Надеюсь, он скоро перестанет бредить и сможет спокойно спать. Я констатирую факт: ваш мальчик удивительно хорошо борется, и я чувствую, он милостью Божьей выздоровеет». Левое легкое оказалось не задето. Ожидалось, что критическое положение продлится еще двадцать четыре часа.

Утром 17 марта произошел перелом. «Уинстон спокойно проспал 6 часов, — сообщил Руз. — Бредовое состояние прекратилось. Температура 37,2°, пульс 92, частота дыхания 28. Он шлет вам и ее светлости свои приветы». Черчилль очень хотел увидеться с миссис Эверест, которая ждала первой возможности оказаться с ним рядом. «Простите за беспокойство, — написал доктор леди Рэндольф 17 марта, — но хочу довести до вашего мнения, что Уинстону требуется абсолютная тишина и покой. Миссис Эверест не следует сегодня навещать его: возбуждение может повредить. Я очень опасаюсь рецидива, понимая, что опасность пока еще окончательно не миновала».

Узнав, что худшее позади, зять леди Рэндольф Мортон Фривен написал ей 17 марта: «Бедный дорогой Уинни, очень надеюсь, что это останется без последствий, но, даже если болезнь станет причиной его слабости на долгое время, ты сможешь сделать для него больше после того, как его вернули тебе с порога Неведомого».

Мальчик восстанавливался медленно. Отец дважды приезжал в Брайтон навестить его. Один раз в марте с виноградом, другой — в апреле, с игрушечным паровозом. Для лорда Рэндольфа это было время активных действий. Гладстон пообещал, что либеральное правительство представит закон о гомруле, призванный создать в Ирландии парламент, наделенный властными полномочиями. Лорд Рэндольф старался предотвратить это. Он обращал внимание на несовместимость ирландцев-протестантов с католической ирландской администрацией. 8 мая Times опубликовала письмо, которое лорд Рэндольф написал члену Либеральной партии в Глазго. Он предупредил, что, если правительство либералов навяжет гомруль ирландским протестантам, «Ольстер будет сражаться, и Ольстер будет прав». Эта фраза стала лозунгом протестантов на Севере.

К июлю Черчилль настолько окреп, что смог вернуться в школу. Он с волнением ждал грядущих всеобщих выборов. Его отец уже встречался с избирателями 2 июля. «Надеюсь, консерваторы вернутся, — писал он матери. — А ты как думаешь? Я очень рад, что папа собрал в Южном Паддингтоне огромное большинство. Думаю, это победа!» Лорд Рэндольф получил 2576 голосов против 769 его оппонента. Результаты

Научно-популярное издание

Мартин Гилберт

ЧЕРЧИЛЛЬ

Биография

Выпускающий редактор А. Райская
Художественный редактор С. Карпухин
Технический редактор Л. Сеницына
Корректоры О. Левина, Л. Козлова,
Т. Дмитриева, Т. Филиппова
Верстка Т. Коровенковой

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» –
обладатель товарного знака «КоЛибри»
115093, Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. №1

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»
в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»
Тел./факс (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

16+

Подписано в печать 22.08.2019.
Формат издания 70 × 100 ¹/₁₆.
Бумага писчая. Гарнитура «OriginalGaramond».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 85,14.
Доп. тираж 3000 экз. В-PRS-16472-05-R. Заказ №

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru